

ЗЛОБА ДНЯ

Алексей
ГЕРМАН*Общая газета,
— 1999. —
28 янв. — 3 февр.
— с. 10*

Почему мы с Искандером не стали подсадными утками

У МЕНЯ был знакомый мальчик — внук одного известного драматурга. Ребенку в школе задали сочинение: «Что бы вы сделали, если бы встретили живого дедушку Ленина?» Это был год, наверное, 73-й. Все дети писали, что они сели бы на колени к дедушке Ленину, что они бы его поцеловали, поблагодарили бы его за свою счастливую жизнь и т.д. А этот мальчик написал очень коротко: «Я бы удивился», — за что получил двойку. Тогда старый писатель — его дедушка — надел штаны и пошел в школу качать права, но он эту двойку так и не отспорил. Ему сказали: «Вы не понимаете всей глубины политического падения».

Моя реакция на присуждение мне премии «Триумф» была сходной: я удивился. Естественно, мне было приятно. Хотя ощущение, что я занял чье-то чужое место, существует. Если посмотреть на нашу необъятную страну, можно найти совершенно необыкновенных художников. Но я благодарен членам жюри, которые выбрали меня, хотя, может, и несправедливо.

Кроме того, они замечательно придумали, что весь процесс выдвижения, обсуждения происходит за закрытыми дверями. Меня это радует, потому что, «просыпавшись» в Каннах, я решил для себя, что никогда в жизни не буду больше участвовать в чем-либо соревновательном.

Я достаточно хорошо отношусь к своей картине и с интересом поглядел бы, кто сделает лучше. Есть, конечно, несколько человек, но соревноваться с ними я не хочу, а со всеми остальными тягаться — просто смешно.

Словом, по поводу премии я удивился. Хотя вообще премия — вещь хорошая и иной раз преподносит неожиданные сюрпризы. Помню, когда в 1988 году мне дали первую Государственную премию, это была какая-то совершенно мистическая метаморфоза в моей жизни. Я к тому времени был выгнан со студии, сидел без работы. И вот меня вернули, выполоскали в ведре и выпустили на экраны. Появился шквал хвалебных рецензий. Потом была еще одна Государственная премия, а перед этим Госпремию получила Светлана. На нас пролился какой-то дождь из наград. И после этого меня стали непрерывно выбрасывать за границу. Каждый месяц я должен был обязательно посетить какую-нибудь капиталистическую страну и рассказать, как мы неузнаваемо живем. Я в это верил и с удовольствием рассказывал.

А в один прекрасный день состоялась очень странная поездка в Данию с большой группой писателей. От кинематографистов был один я. Только в самолете нам объяснили, что произойдет историческое событие — первая официально разрешенная встреча между уехавшими нашими диссидентами и нами — не уехавшими, пристойно ведшими себя по возможности в те годы. И все к этому страшно готовились. Послом в то время был Пастухов, он тоже волновался: как все получится.

Во время приема Пастухов отозвал меня в сторону вместе с представителем «Совэкспортфильма» и предложил: «Когда писатели уедут, ты, Алексей, останься. Мы твои картины покажем датчанам, пусть увидят, как у нас работают. А ты все это дело устроишь». Когда Пастухов отошел, товарищ просто взвыл: «Не слушай ты его! Датчане ничего смотреть не хотят. От твоих фильмов их только вытошнит. Уезжай, я тебя умоляю! У тебя только гостиница стоит 200 долларов. Послу хорошо: «блямб-лям». Я, в общем, человек необидчивый, говорю: «Ты знаешь, я, может, уеду, а может, и не уеду. Пастухов — член ЦК, а ты? Максимум — старший лейтенант. Уеду при одном условии: сделай так, чтобы я к тебе проникся». В общем, когда я пришел к себе в номер, там стояла огромная бутылка водки — 2,5 литра, много бутылочек пива, сухарики всякие... И я с этой водкой стал центром притяжения для делегации.

А жили мы дивно. Поселили нас в гостинице, какую может выдумать только Борхес. Представьте себе: из номера ты попадаешь в большую библиотеку и долго пробираешься между книжными полками на улицу. И вот начали прибывать те, с кем мы должны были устанавливать связи: известные, малоизвестные и совсем неизвестные диссиденты. Первым, когда мы все завтракали в ресторане, появился Ефим Эткинд — переводчик и литературовед, которого вышибли за что-то невнятное. Это была ситуация смешная. Входит Ефим Эткинд, которого я знаю много лет. И что я должен делать? Ждать, когда нас представят друг другу, делая вид... Я первым встал, подошел к Эткинду, мы расцеловались, и я сел за его несоветский стол.

Вечером появились Лев Копелев и Раиса Орлова. Та же история — Светлана была с ними дружна, я знаком. Раиса Орлова спросила меня: «Ты к нам ночью придешь, как все советские, или посидишь с нами в ресторане?» Я сказал: «Посижу в ресторане», — хотя, честно признаться, не думал, что после этого меня куда-нибудь выпустят. Потом подсел Аксенов, потом подсел Гладиллин. Приехал Синявский. Появился человек по фамилии Миллер из русского освободительного общества, эмблемой которого был трехцветный значок — тот же самый, что на каске моего героя в «Проверке на дорогах». Он спросил, не нужно ли мне денег, не нужны ли мне книжки. Я сказал: «Книжки давай». — «Какие?» Среди книжек, я как сейчас помню, назвал Коржавина. Принесли Коржавина. Я стал хвастаться, а Бакланов говорит: «Дай мне». Я говорю: «Ни за что! Подите — попросите, вот г-н Миллер стоит...» — «Я не могу, я член партии. Отдай Коржавина. Я его печатать собираюсь». — «Вот и перепишите из моей книжки. Меня, может, теперь никогда за границу не пустят». Впрочем, при переезде из гостиницы в гостиницу все мои диссидентские книжки пропали: уж больно много вокруг нас было посольских мальчиков с фельдъегерской выправкой.

По ночам писатели собирались на партийные собрания среди библиотечных полок, шурша, как мыши. Диссиденты, жившие по ту сторону библиотеки, тоже собирались на свои диссидентские посиделки и тоже шуршали. А я был — отдельная делегация. И, по-моему, единственный беспартийный. У меня было всегда много водки, много пива и уйма сухариков за продажу интересов датского зрителя. Постепенно как-то все склеивалось. Замечательно выступали. И Эткинд, и Афанасьев — блестящие люди, кумиры того времени. Я, когда выступал, старался говорить смешно. Мне казалось это единственно возможным языком для артиста. Гневный артист на трибуне как тогда, так и сейчас для меня подозрителен. Пастухов был доволен. Горбачев, по слухам, прислал телеграмму, что все идет так, как надо. А мы обнимались, признавались друг другу в любви и пели «Синий троллейбус».

Чтобы эти времена на секунду себе представить, расскажу, как мы улетали. Кто-то из наших побежал что-то покупать и заблудился в гигантском аэропорту. Самолет задержали на час. Вышел летчик и стал кричать, что надо срочно лететь, а то какие-то воздушные не то струи, не то потоки. Глаза у Пастухова вдруг стали стальными, и он сказал пилоту: «Вы мне зачем нервируете делегацию?» Кто кого нервировал: пилот, которому нужно было лететь в каких-то там струях, или наши милые литераторши, озабоченные покупками?

Я не к тому стал все это рассказывать, что, ну подумаешь, Дания, первая встреча диссидентов с недиссидентами... А просто тогда, еще в библиотеке, чтобы раздаться в дверь и ко мне зашел Искандер. Я думаю, он заскочил, чтобы выпить, а может, и вправду нужно было душу отвести. «Слушай, — говорит он, — а что если мы на самом деле — подсадные утки той самой перестройки, которой на самом деле еще и нет. Нас высадили на болото, и мы: кряк, кряк... А эти к нам опускаются, садятся рядом, мы шейками тремса: кряк, кряк... А из камышей два ствола: бум, бум! И от них только перья полетели». Мы с ним поставили рюмки, уставились друг на друга в ужасе и замолчали. Все могло быть. Диссиденты тогда готовы были ехать обратно. Копелев говорил: «Я босой приду»...

Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что принимал участие в чем-то очень важном, а не просто в прорыве пузыря. Мы вместе сидим на одной сцене на «Триумфе». Фазиль Искандер, Василий Аксенов, а в паузе у меня берет интервью корреспондент радио «Свобода».